

На правах рукописи

Токарев Алексей Александрович

**Становление государства и эволюция политических режимов
Грузии и Украины**

23.00.02 – политические институты, процессы и технологии

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

13 ДЕК 2012

Москва – 2012

Работа выполнена на кафедре сравнительной политологии Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России»

Научный руководитель: кандидат политических наук, заведующая отделом политической науки Федерального государственного учреждения науки «Институт научной информации по общественным наукам»

Мелешкина Елена Юрьевна

Официальные оппоненты: доктор политических наук, заведующий отделом политологии Регионального общественного фонда «Информатика для демократии»

Коргунюк Юрий Григорьевич

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории политических исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Стукал Денис Константинович

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Защита состоится 24» декабря 2012 г. в 16.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 209.002.02 (политические науки) при Московском государственном институте международных отношений (Университете) МИД России в ауд. 216.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. И.Г. Тюлина МГИМО (У) МИД России по адресу: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. С авторефератом диссертации можно ознакомиться на сайте www.mgimo.ru.

Автореферат разослан 21» ноября 2012 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Никитина Ю.А.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность исследования. После распада Советского Союза в центре внимания учёных оказались процессы политических трансформаций в новых независимых государствах. Большинство бывших советских республик декларировали приверженность демократическим преобразованиям, и исследователи пытались объяснить происходившие в них события преимущественно с помощью теорий демократического транзита. Однако события последних десятилетий показали, что адекватное понимание политических процессов в странах бывшего СССР только с помощью транзитологической парадигмы вряд ли возможно. Коллизии их политического развития, в том числе изменения политических режимов, во многом связаны с проблемами формирования государств и наций.

В России массовые протесты зимы 2011-2012 годов против фальсификации выборов в Госдуму, дополненные требованиями либерализации политической системы, способствовали тому, что власть в преддверии и в ходе избирательной кампании по выборам президента формировала и многократно воспроизводила образ врага и приносимых им «бедствий». Для этого провластные масс-медиа использовали отсылки к «оранжевой революции», «оранжевой угрозе», «цветным переворотам» и т.п. Ненасильственный метод давления на власть путём массовых протестов и акций гражданского неповиновения интерпретировался преимущественно как ведущий к ослаблению и даже к распаду государства и резкому снижению степени суверенности в связи с подконтрольностью «революции» и «революционеров» Государственному департаменту США – всему тому, что В.В. Путин неоднократно называл «украинизацией политического процесса»¹.

¹ См., например: На заседании Госсовета РФ Путин и Медведев поспорили о демократии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inopressa.ru/article/29Jan2010/csmonitor/demo1.html> (дата обращения: 6.05.2012); Путин предостерег от украинизации российской политики http://www.people-news.ru/president/putin_predostereg_ot_ukrainizacii_rossijskejj_politiki.shtml (дата обращения: 6.05.2012) и др.

Непонимание объективных причин и результатов «оранжевой революции» 2004 года на Украине, восприятие её как практической реализации планов США по созданию «санитарного кордона» вокруг России способствовали восприятию российским массовым сознанием политического процесса на Украине преимущественно в рамках дихотомий «свой-чужой», «Янукович-Ющенко», «Россия-Запад», формированию образа «цветной революции» в качестве явления, губительного для демократизации и государственного строительства в России.

Подобная ситуация сложилась и в отношении Грузии – страны, пережившей первый «цветной переворот» на постсоветском пространстве. Редуцирование освещения двусторонних отношений до критики президента Грузии российскими прогосударственными масс-медиа препятствовало объективному восприятию опыта новейших грузинских реформ. В то же время сочетание успехов в осуществлении некоторых реформ в области государственного управления с отсутствием эффективных механизмов рекрутирования элиты, высокой степенью зависимости партийно-политического процесса от политических лидеров, изменением Конституции «под первое лицо» делают опыт грузинской демократизации чрезвычайно интересным для России.

Грузия и Украина – страны, в которых недовольство оппозиции функционированием демократических институтов вылилось в «цветные революции». Их результаты оказались неоднозначными. Смены власти на мирных, легитимных выборах и до, и после «цветных революций» не привели к устойчивости институтов и процедур. Как на Украине, так и в Грузии не возникли консолидированные демократические политические режимы. В связи с этим актуальным является вопрос: почему в постсоветских странах действия политических сил, осуществляемые под лозунгами дальнейшей демократизации, не приводят к консолидации демократии?

Научная проблема диссертационной работы состоит в следующем. Мировой опыт политической трансформации показывает, что внедрение демократических институтов не обязательно приводит к их консолидации. Неспособность государства обеспечить соблюдение демократических процедур часто препятствует успехам демократизаций. Произвольное изменение «правил игры» и использование механизмов государственной власти для реализации узкогрупповых и личных интересов способствует воспроизводству масштабных политических кризисов. В связи с этим важно было бы понять, какое состояние государственности и её отдельных характеристик на Украине и в Грузии затрудняет формирование демократических режимов или способствует ему.

В связи с этим можно сформулировать основной **исследовательский вопрос** диссертации следующим образом: как состояние государственности влияет на эволюцию политических режимов Грузии и Украины?

Объектом исследования является государство и политические режимы в Грузии и на Украине в 1991-2012 годах.

Предметом выступает влияние государственности на эволюцию грузинского и украинского политических режимов.

Цель исследования: выявить характер влияния государственности на эволюцию политических режимов Грузии и Украины.

Задачи:

- рассмотреть исследовательские подходы к определению и операционализации государственности;
- предложить собственную систему показателей государственности;
- рассмотреть подходы исследователей к определению демократии и демократизации;

- обобщить выводы исследователей относительно роли государственности в процессе эволюции политического режима в общемировом контексте;
- охарактеризовать влияние постсоветского политического контекста на изменение государственности и демократизацию в Грузии и на Украине;
- проследить динамику государственности и эволюцию грузинского и украинского политических режимов;
- рассмотреть влияние государственности на долгосрочные результаты «цветных революций» в этих странах.

Теоретико-методологическая основа исследования. Исследование базируется на теоретических разработках государственности – П. Неттла, С. Бартолини, Х. Линца, А. Степана, М.В. Ильина и др., демократии и демократизации – С. Хантингтона, Р. Даля, Ф. Шмиттера, Т.Л. Карл и др., их взаимосвязи – Ч. Тилли, Д. Растоу, Ф. Фукуямы, А.Ю. Мельвиля и др.

В исследовании использовался сравнительный подход. Стратегия фокусированного сравнения была выбрана по следующим причинам. Во-первых, Украина и Грузия не являются «полярными» случаями, для исследования которых могла быть использована стратегия максимальных различий и бинарного сравнения. Во-вторых, научная рефлексия относительно влияния государственности на эволюцию грузинского и украинского политических режимов находится в начальной стадии, а некоторые используемые в работе понятия и концепции не являются устоявшимися в профессиональном политологическом дискурсе в России, что также предполагает обращение к фокусированному сравнению². В отличие от казусно-ориентированного фокусированного сравнения позволяет получить более высокий уровень обобщения относительно закономерностей развития государственности и

² Рейджин Ч., Берг-Шлоссер Д. Политическая методология: качественные методы // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. – М.: Вече, 1999. – С. 738.

политических режимов в Грузии и на Украине. Суть этого метода заключается в «изучении сходств и различий в контексте, что позволяет определить, как различные комбинации условий приводят к одинаковой причинной зависимости, и как сходные факторы могут действовать в противоположных направлениях»³. Это представляется крайне важным для анализа таких разных политий, как Грузия и Украина.

В этих странах «цветные революции» носили мирный характер. Пришедшие к власти в результате мирных протестов элитные группы оказались в состоянии сохранить ненасильственный характер политического процесса в отличие, например, от Киргизии. Несмотря на глубину следовавших политических кризисов, они не переросли в гражданскую войну. Кроме того, именно на Украине и в Грузии, в отличие от других стран постсоветского пространства, «революции» позволили отчасти разрешить кризис развития государственного проекта и легитимности власти. Они «подтолкнули общество к поиску выхода из кризиса за рамками действующей конституции»⁴.

В работе использован системный подход, что позволяет рассмотреть государственность и политический режим, их динамику как различные связанные друг с другом проявления политической системы. Неинституциональный подход позволил сосредоточиться на политических институтах как основе государственности и политического режима, рассмотреть влияние институционального наследия на формирование новых национальных государств и политических режимов, а также институциональный выбор основных политических акторов.

³ См. подробнее: Ragin Ch. The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantative Strategies. – Berkley, Los-Angeles, London.: University of California Press, 1987. – P. 49; Hague R., Harrop M., Breslin S. Comparative Government and Politics: an Introduction. – Basingstoke: Macmillan Press, 1992. – P. 39-40.

⁴ Лапкин В.В. Основные тенденции политического развития в России и на Украине в период 2004-2006 гг. // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: ежегодник 2006 / РАПН, гл. ред. А.И. Соловьёв. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 272.

В работе использованы метод традиционного анализа документов (нормативно-правовые акты, программы политических партий, свидетельства очевидцев и участников событий и др.), вторичный анализ социологических опросов и некоторые методы обработки статистических данных.

Степень научной разработанности. Тема диссертации недостаточно исследована в научной литературе. В российской и зарубежной политической науке отсутствуют работы, специально посвященные сравнительному анализу взаимосвязи изменения государственности и эволюции политических режимов в Грузии и на Украине. Вместе с тем, существует значительное число исследований, направленных на изучение отдельных аспектов темы.

Общая логика переходов от недемократических режимов к демократическим представлена в исследованиях западных и отечественных политологов (Р. Даль, Д. Растоу, С. Хантингтон, А. Пшеворский, Ф. Шмиттер, Т.Л. Карл, Л. Даймонд, Г. О'Доннелл, Г. Алмонд, В.Я. Гельман и др.).⁵ Указанные исследования формируют категориальный аппарат, при помощи которого может рассматриваться эволюция наибольшего числа современных политических режимов. Вместе с тем, большинство этих учёных изучают политические трансформации в парадигме транзитологии и уделяют исследованию государственности незначительное внимание.

Эволюцию процессов национального и государственного строительства рассматривают российские и зарубежные учёные, не ограничивающие область

⁵ Даль Р. Демократия и ее критики. – М.: РОССПЭН, 2003. – 576 с.; Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. – 1996. - № 5. – С. 5-15; Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.; Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Пер с англ. / Под ред. проф. Бажанова В.А. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 320 с.; Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций // Полис. – 2004. - № 4. – С. 6-27; Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. – 1999. – №1. – С. 10-25; О'Доннелл Г. Delegative Democracy // Journal of Democracy. – 1994. - № 5. – Р. 55-69; Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли в 5 т. – Т. 2. – С. 593-610; Гельман В.Я. «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации // Общественные науки и современность. – 1999. - № 6. – С. 46-64.

исследования исключительно переходами «третьей волны демократизации» (С. Роккан, П. Неттл, А. Степан, Х. Линц, Ф. Рёдер, Ж. Коломер, М.В. Ильин, О.Н. Хархордин, О.Ю. Малинова, А.С. Кузнецов и др.)⁶.

Третью группу представляют труды учёных, изучающих отдельные аспекты государственного строительства: в различной степени неудавшиеся государственные проекты (П. Колсто, Р. Джексон, Р. Ротберг, М. Николсон, С. Камилова, Э. Берг, А.И. Кустарев, С.М. Маркедонов и др.)⁷, производство государством общественных благ (О. Норгаард, Т. Беслей, И.М. Локшин и др.)⁸. Эмпирический характер этих исследований позволяет проследить процесс становления государства при помощи анализа в т.ч. экономических показателей, что представляется крайне важным при определении индикаторов и переменных для операционализации понятия государственности.

Невелико количество исследований, в которых во взаимосвязи рассматриваются процессы демократизации и государственного строительства и

⁶ Роккан С. Методы и модели в сравнительном исследовании формирования наций // Политическая наука. – М., 2006. – № 4. – С. 102-134; Nettl J. P. The State as a conceptual variable // World politics. – Princeton, 1968. – Vol. 20, N 4. – P. 559-592; Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация // Полис. – 1997. – №5. – С.9-30; Roeder P.G. Where Nation-States Come From. – 2007: Princeton University Press. – 430 p.; Коломер Ж.М. Великие империи, малые нации: Неясное будущее суверенного государства // Современное государство: Политико-правовые и экономические исследования. – М., 2002. – С. 119-138; Ильин М.В. Формула государственности // Политика. – 2008. – №3. – С. 67-78; Понятие государства в четырех языках / под ред. О.Н. Хархордина. – С.-Пб., М.: ЕУ СПб, Летний сад, 2002. – 218 с.; Малинова О.Ю. Другой взгляд на «транзит», или о пользе и вреде повествовательных схем // Космополис. – 2002. – № 2. – С. 10-23; Кузнецов А.С. «Надушенный суверенитет»: проблема категории «суверенитет» при исследовании субнациональной дипломатии // Политэкс. – 2006. – № 3. – С. 241-252.

⁷ Blakkisrud H., Kolstø P. Dynamics of de facto statehood: the South Caucasian de facto states between secession and sovereignty // Southeast European and Black Sea Studies. – 2012. – Vol. 12. – № 2. – P. 281–298; Jackson R. H. Quasi-states: Sovereignty, international relations and the third world / R. H. Jackson. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. – 240 p.; Rotberg R. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators // State Failure and State Weakness in a Time of Terror / R.I. Rotberg (ed.). – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. – 354 p.; Nicholson M. Failed States and International Security: Causes, Prospects and Consequences. 1998 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ippu.purdue.edu/failed_states (дата обращения: 6.04.2012); Kamilova S., Berg E. How Can De Facto State be Distinguished from the Puppet State? Analysis of Transnistrian-Russian Relations and Dependencies // The Estonian Foreign Policy Yearbook. – Tallinn: Eesti Välispoliitika Instituut, 2011. – P. 151-182; Кустарев А.И. Неудавшиеся государства // Космополис. – 2004. – №2. – С. 17-36; Маркедонов С.М. Об итогах президентских выборов в Грузии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politnauka.org/library/konflikt/markedonov2.php> (дата обращения: 6.04.2012);

⁸ Nørgaard O. Governance and state capacity in post-communist states // 29th ECPR Joint Sessions of Workshops, Grenoble, France, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demstar.dk/papers/Statecapacityinpostcommunistcountries6.pdf> (дата обращения: 6.04.2012); Besley T. The Origins of State Capacity: Property Rights, Taxation, and Politics // American Economic Review, American Economic Association. – 2009. – Vol. 99. – P. 1218-44; Локшин И.М. Политические режимы и качество функционирования государства: анализ взаимосвязи // Политика. – 2011. – № 4. – С. 74-92.

предлагаются модели эмпирической операционализации государственности (Ч. Тилли, С. Бартолини, Ф. Фукуяма, З. Элкинс, Х. Бёк, А. Хадениус, А.Ю. Мельвиль и др.)⁹. Незначительный объём подобных публикаций объясняется тем, что верификация теоретических разработок в данном случае предполагает работу с огромными массивами данных (как вследствие наложения процессов эволюции политического режима и национально-государственного строительства, так и наличия в современном мире более 200 территориальных политий, отображающих разноплановые результаты взаимодействия политического режима и государственности).

Напротив, существует гораздо больше публикаций, в которых анализируются процессы государственного строительства в рамках посткоммунистических трансформаций государств Центральной и Восточной Европы, а также «бархатные революции» в ряде из них. Эти проблемы рассматриваются в трудах Д. Кэмерона, Г. Придхэма, А. Димитровны, Г.М. Истера, А. Гржималы-Буссе, Л.П. Джонса, Дж. Копстейн, Д. Рэйли и др.¹⁰. Частным случаем посткоммунистических трансформаций являются (или рассматриваются как частный случай) постсоветские переходы: от авторитаризма – к демократии, от командной экономики – к рыночной, от провинции империи – к суверенному государству, от части общности советского

⁹ Тилли Ч. Демократия. – М: Европа, 2007. – 264 с.; Bartolini S. Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. – N.Y.: Oxford univ. press., 2005. – 415 p.; Fukuyama F. «Stateness» first // Journal of Democracy. – Baltimore, 2005. – Vol. 16. – № 1. – P. 84-89; Elkins Z. The Problem of Stateness // 2006 Meeting of the International Studies Association, San Diego, CA. European Values Study Group and World Values Survey Association [Электронный ресурс]. URL: <http://home.gwu.edu/~jsides/stateness.pdf> (дата обращения: 11.04.2012); Bäck H., Hadenius A. Democracy and State Capacity: Exploring a J-shaped Relationship // Governance. – 2008. – Vol. 21. – № 1. – P. 1-21; Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. и др. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 272 с.

¹⁰ Cameron D. R. Post-communist democracy: The impact of the European Union // Post-Soviet Affairs. – 2007. – № 23. – P. 185-217; Dimitrova A., Pridham G. International actors and democracy promotion in Central and Eastern Europe: The integration model and its limits. Democratization. – 2004. – № 11(5). – P. 91-112; Easter G.M. The politics of revenue extraction in post-communist states: Poland and Russia compared // Politics & Society. – 2002. – № 30. – P. 599-627; Grzymala-Busse A., Jones Luong P. Reconceptualizing the state: Lessons from post-communism // Politics & Society. – № 30. – P. 529-554; Kopstein J., Reilly D. A. Postcommunist spaces: A political geography approach to explaining postcommunist outcomes // G. Ekiert, S. E. Hanson (Eds.). Capitalism and democracy in Central and Eastern Europe. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. – P. 120-154.

народа – к нации. Их анализируют М. фон Хэйген, К. Барки, М. Макфол, П. Павлинек, К.Х. Стефес, Дж. Фортин, Е.Ю. Мелешкина, В.Г. Егоров, В.Л. Заславский, А.И. Суздальцев, А.Л. Арефьев, А.А. Фисун и др.¹¹. Исследователи рассматривают трансформацию политического режима и государственности как коэволюцию в рамках смещения фокуса транзитологии в сторону изучения государства. Однако, сравнительный анализ украинской и грузинской постсоветских трансформаций базируется, как правило, на исследовании «цветных революций». «Революции роз» и «оранжевой революции» посвящены работы А. Умланд, А. Мотыль, Л. Джонавициуса, С. Левицки, Л. Уэя, В. Банс, С. Уолчика, Б.И. Макаренко, С.Г. Кара-Мурзы, Б.Ю. Кагарлицкого и др.¹². «Революции» на постсоветском пространстве, как правило, рассматриваются исследователями вне институциональной традиции и масштабного

¹¹ After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires/ Ed. By Barkey K., von Hagen M. – Boulder, Oxford: Westview press, 1997. – 200 p.; McFaul M. Transitions from Postcommunism // Journal of Democracy. – 2005. – Vol. 16. – № 3. – P. 5-19; Pavlinek P. Alternative Approaches to Post-Communist Transformations in Central and Eastern Europe // Acta Slavica Iaponica. – 2003. – № 20. – P. 85-108; Stefes C.H. Understanding Post-Soviet Transitions: Corruption, Collusion and Clientelism. New York: Palgrave Macmillan, 2006. – 211 p.; Fortin J. Is There a Necessary Condition for Democracy? The Role of State Capacity in Postcommunist Countries // Comparative Political Studies. – 2011. – № 20. – P. 1-28; Мелешкина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе: Монография. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – 252 с.; Егоров В.Г. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления [Электронный ресурс]. URL: <http://www.materik.ru/country/detail.php?ID=13513> (дата обращения: 24.01.2012); Zaslavsky V. The Soviet Union // After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires/ Ed. By Barkey K., von Hagen M. – Boulder, Oxford: Westview press, 1997. – P. 73-92; Суздальцев А.И. Постсоветское пространство: уходящая реальность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/03/14/2017/> (дата обращения: 24.01.2012); Арефьев А.Л. Падение статуса русского языка на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema01.php> (дата обращения: 6.04.2012); Фисун А.А. Постсоветская политика как неопатримониальный процесс // Вестник Института Кеннана в России. – 2009. – Вып. 16. – С. 53-62.

¹² Умланд А. Понимание Оранжевой революции: демократизация Украины в зеркале России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/12/30/orange/> (дата обращения: 29.07.2012); Motyl A. Two years after the Orange revolution: Ukraine in a funk [Электронный ресурс]. URL: http://www.opendemocracy.net/democracy-ukraine/two_years_4218.jsp (дата обращения: 6.04.2012); Jonavicius L. Why Ukraine and Georgia Have Not Used the «Window of Opportunity»? Neo-institutional Analysis of Transformational Stagnation in Georgia and Ukraine // UNISCI Discussion Papers. – January 2009. – № 19; Way L.A., Levitski S. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave // World Politics. – Vol. 57. – № 2. – P. 231-261; Bunce V., Wolchik S. Getting Real about Real Causes: A Reply to Lucan Way // Journal of Democracy. – Vol. 20. – № 1. – 2009. – P. 65-73; Макаренко Б.И. «Цветные революции» в контексте демократического транзита // Мир перемен. – 2005. – №3. – С. 107 – 124; Кара-Мурза С.Г. На пороге оранжевой революции. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2010. – 336 с.; Кагарлицкий Б.Ю. «Оранжевый мираж» или начало политики? [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.ru/library/id_1595.html (дата обращения: 12.04.2012).

ретроспективного анализа, с явным креном в сторону анализа мировых политических процессов и «гибкой силы» (soft power).

Дефицит научной литературы по изучению «цветных революций» в контексте исторического процесса компенсируется публикациями западных, российских, украинских и грузинских политологов, экономистов, историков и социологов, исследующих соответствующие сферы общественной жизни Украины и Грузии. Проблемам политического, исторического и цивилизационно-культурного развития Украины посвящены труды Т. Кузно, С. Уитмор, В. Фриц, О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Миллера, Э.А. Попова, М.Б. Погребинского, А.Н. Окары, К. Малыгиной¹³ и др. Результаты социологических исследований и проблемы экономики рассматриваются в работах В.М. Гееца, Н.А. Шульги, В.Е. Хмелько, А.Н. Круглашова¹⁴ и др. Причины и результаты грузинских реформ исследуются Т. де Ваалом, Г. Слэйдом, С. Корнеллом, Н. Нильссоном, Г. Нодиа, Дж. Уитли, Л.А. Бураковой¹⁵ и др.; социально-экономическому развитию Грузии

¹³ Kuzio T. National Identity and History Writing in Ukraine // *Nationalities Papers*. – 2006. – Vol. 34. – № 3. – P. 407-427; Whitmore S. State-building in Ukraine: The Ukrainian parliament, 1990-2003. – L., N.Y.: Rutledge, 2005. – 222 p.; Fritz V. State-building: a comparative study of Ukraine, Lithuania, Belarus, and Russia. – Budapest: Central European university, 2007. – 384 p.; Гаман-Голутвина О.В. Авторитаризм развития или авторитаризм без развития: судьбы модернизации на постсоветском пространстве // *Вестник МГИМО*. – 2010. – № 4. – С. 77-84; Миллер А.И. Нация-государство или государство-нация? // *Политическая наука* [Электронный ресурс]. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_11632 (дата обращения: 12.04.2012); Попов Э.А. Украинские НПО: от «оранжевой революции» к экспорту «демократии» в постсоветские страны // *Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека* / отв. ред. Н.А. Нарочницкая. СПб.: Алетея, 2008. – С. 150-175; Погребинский М., Большов Е. Векторы интеграции [Электронный ресурс]. URL: http://zn.ua/POLITICS/vektory_integratsii-93964.html (дата обращения: 6.04.2012); Окара А.Н. «Украинский вопрос» и новые ответы на него // *Полис*. 2001. – № 4. – С. 23-32; Malygina K. Ukraine as a neo-patrimonial state: understanding political change in Ukraine in 2005-2010 // *Journal for Labor and Social Affairs in Eastern Europe*. – 2010. – № 1. – P. 7-27.

¹⁴ Геец В.М. Экономика Украины 1999-2008: потерянное десятилетие [Электронный ресурс]. URL: http://perevodika.ru/articles/10180.html?sphrase_id=51441 (дата обращения: 6.02.2012); Шульга Н.А. Хочет ли Украина быть с Россией? Результаты социологического исследования Института социологии НАН Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://2000.net.ua/2000/forum/mnenie/74197> (дата обращения: 6.04.2012); Хмелько В.Е. Отношение граждан Украины к её вступлению в ЕС и НАТО и их оценки своей осведомленности об этих организациях // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 2006. – № 1. – С. 71-87; Круглашов А.Н. Украинское общество: интолерантность как расплата за гражданский конформизм // *Вестник Института Кеннана в России*. – 2009. – Вып. 16. – С. 35-42.

¹⁵ Де Ваал Т. Выбор Грузии: какой курс избрать в период неопределенности? / Томас де Ваал; пер. с англ. М. Коробочкина; Моск. Центр Карнеги. – М., 2011. – 67 с.; Slade G. The threat of the thief: Who has normative influence in Georgian society? // *Global crime*. – Abingdon, 2007. – Vol. 8, N. 2. – P. 172-179; Cornell S.E., Nilsson N. Georgian Politics since the August 2008 War // *Demokratizatsiya*. – Vol. 17. – № 3. – 2009. – P. 251-268; Nodia G., Scholtbach A.P. The Political Landscape of Georgia. Political Parties: Achievements, Challenges and Prospects. – Eburon Academic Publishers, 2006. – 270 p.; Wheatley J. Georgia from National Awakening to Rose Revolution: Delayed Transition in the Former Soviet Union. – Aldershot, Hampshire: Ashgate Publishing Company, 2005. – 218 p.; Буракова Л.А. Почему у Грузии получилось. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. – 271 стр.

посвящены исследования А.Г. Егиазаряна, Е. Исмаилова, В.Г. Папавы, Л.М. Григорьева, С. Кондратьева, А.А. Епифанцева и др.¹⁶. Значителен объем исследовательских трудов относительно влияния внешнеполитических факторов на постсоветское развитие Грузии. Как правило, оно рассматривается через призму реализации национальных интересов России и США на Южном Кавказе в целом и в Грузии в частности (исследования К. Холар, П. Вибер-Йоргенсена, К. Абушова, О. Оликер, Т. Зяйны, Н. Попеску, Э. Уилсона, Дж. Гейне, Р.А. Гачечиладзе, Д.В. Тренина и др.)¹⁷. Развитие национального и государственного проектов Грузии рассматривают Д. Апаридзе, А. Шеллингер, М. Спирова, С. Стефес, С. Тимм, М. Малек, Л. Митчелл, А. Кули и др.¹⁸. В этих работах, как правило, игнорируются исторические детерминанты грузинского развития (до распада СССР), а акцент делается на сецессиях и различных аспектах функционирования де-факто государств. Следует отметить, что число социологических публикаций и количество статистических данных по Грузии

¹⁶ Егиазарян А.Г. Грузия: структурные проблемы экономики и турецкая экономическая экспансия (1994-2007). Ереван; Москва, 2007. – 86 стр. [Электронный ресурс]. URL: <http://common.regnum.ru/documents/georgia-structure-problems.pdf> (дата обращения: 10.02.2012); Ismailov E. and Papava V. A new concept for the Caucasus // Southeast European and Black Sea Studies. – Vol. 8. – № 3. – September 2008. P. 283–298; Григорьев Г., Кондратьев С., Салихов М. Трудный выход из трансформационного кризиса (случай Грузии) // Вопросы экономики. – 2008. – № 10. – P. 10-25; Епифанцев А.А. Реформы в Грузии. Анализ грузинских реформ. Применимы ли они в России? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article23547.htm> (дата обращения: 6.02.2012).

¹⁷ Khokhar K., Wiberg-Jørgensen P. United States' strategic possibilities in the South Caucasus // European Security. – 2010. – Vol. 10. – № 3. – P. 76-83; Abushov K. Policing the near abroad: Russian foreign policy in the South Caucasus // Australian Journal of International Affairs. – 2009. – Vol. 63. – № 2. – P. 187-212; Olikier O., Szayna T. Faultlines of conflict in Central Asia and the south Caucasus: implications for the U.S. Army [Электронный ресурс]. URL: http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1598.html (дата обращения: 11.04.2012); Popescu N., Wilson A. The «Sovereign Neighbourhood»: Weak Statehood Strategies in Eastern Europe // The International Spectator. – 2009. – Vol. 44. – № 1. – P. 7-12; Heine G. The Conflict in the Caucasus: Causing a New Cold War? // India Quarterly: A Journal of International Affairs. – 2009. – Vol. 65. – № 1. – P. 55-66; Gachechiladze R. Geopolitics in the South Caucasus: Local and External Players // Geopolitics. – 2002. – Vol. 7. – № 1. – P. 113-138; Trenin D. Russia in the Caucasus: Reversing the Tide Brown Journal of World Affairs. – 2009. – Vol. 25. – № 2. – P. 143-155.

¹⁸ Aparidze D. State-Building and Democratization in Georgia: Have the Limits Been Reached? // OSCE Yearbook 2008. – Baden-Baden, 2009. – P. 63-71; Schellinger A. What Has Washington Done?: Adverse Effects of State-building on Democracy in Georgia // Journal of Politics & Society. – 2008. – P. 69-85; Spirova M. Corruption and Democracy The «Color Revolutions» in Georgia and Ukraine // Taiwan Journal of Democracy. – Vol. 4. – № 2. – P. 75-90; Stefes C.H. Governance, the State, and Systemic Corruption: Armenia and Georgia in Comparison // Caucasian Review of International Affairs. – 2008. – № 2. – P. 73-83; Timm C. Neopatrimonialism by default. State politics and domination in Georgia after the Rose Revolution [Электронный ресурс]. URL: http://www.giga-hamburg.de/content/fsp1/pdf/neopat/paper_neopat_workshop_timm.pdf (дата обращения: 31.07.2012); Malek M. State Failure in the South Caucasus: Proposals for an Analytical Framework // Transition Studies Review. – 2006. – № 13. – P. 441-460; Mitchell L., Cooley A. Abkhazia on Three Wheels [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldpolicy.org/blog/abkhazia-three-wheels> (дата обращения: 20.10.2012).

крайне мало (в т.ч. по сравнению с источниками, посвящёнными Украине). Кроме того, большинство современных работ, авторы которых исследуют грузинскую постсоветскую трансформацию, сосредотачивают внимание на анализе социально-экономических реформ после «революции роз» и игнорируют иные аспекты транзита. Таким образом, в научной литературе относительно рассматриваемой проблемы присутствует дисбаланс. Большинство исследователей сосредоточено либо на изучении институциональных аспектов транзитов, либо – на эволюции государственности, при этом отсутствие необходимых массивов данных очевидно затрудняет анализ процесса производства общественных благ.

Эмпирическая база исследования. В исследовании использовались статистические данные и социально-экономические показатели национальных банков, министерств, государственных органов статистики и прочих служб, а также индексы государств мира крупнейших мировых исследовательских НПО, СМИ и университетов, официальные документы, нормативно-правовые акты, данные социологических опросов национальных украинских и грузинских экспертно-исследовательских организаций, сообщения информационных агентств, публикации в печатных, электронных СМИ и Интернете, свидетельства очевидцев в блогах.

Научная новизна. Существующие исследования рассматривают либо эволюцию украинского и грузинского политических режимов в рамках транзитологической парадигмы, либо национальное и государственное строительство отдельно в обеих странах, либо в сравнительной перспективе, но исключительно в свете «цветных революций». Настоящее исследование – первое в российской и зарубежной литературе, в котором представлен сравнительный анализ влияния государственности на эволюцию политических режимов в Грузии и на Украине с 1991 года по настоящее время.

Политическая наука не располагает общепризнанной эмпирической операционализацией государственности. В работе предлагается авторская система показателей для эмпирического анализа государственности.

В данном исследовании представлен наиболее полный анализ процесса производства общественных благ (принятия нормативно-правовых актов, административных, правоохранительных, оборонных, образовательных, медицинских услуг) на Украине и в Грузии, начиная с 1991 года.

Исследование включает сравнительный анализ уровня конкурентности парламентских и президентских кампаний на Украине и в Грузии, основанный на оригинальных авторских расчётах.

Положения, выносимые на защиту:

1) Влияние государственности на тип политического режима неоднозначно и не может быть описано с помощью единой универсальной модели. Формальное наличие процедурных характеристик демократии, выделяемых исследователями в качестве её определяющих признаков (Й. Шумпетером, А. Пшеворским, Р. Далем, Ф. Шмиттером, Т.Л. Карл и др.), может оказаться недостаточным для консолидации демократии в случае неспособности государства поддерживать «правила игры». В то же время чрезмерное усиление госаппарата, централизация власти, способствуя формированию монополии государства на применение насилия, могут вести к дедемократизации.

2) Аналитически можно выделить три характеристики государственности: внутреннюю и внешнюю статусность и состоятельность. Первая означает степень признания государства со стороны населения и степень консолидации власти и общества по устанавливающим вопросам. Под второй понимается степень признания со стороны внешнеполитических субъектов, и как следствие этого – наличие и иерархия всевозможных формальных и неформальных статусов на международной арене. Третья представляет собой способность

государства выполнять свои основные функции по производству общественных благ.

3) Государственная состоятельность как характеристика государства может быть операционализирована при помощи следующих переменных:

- консолидированность территории и границ;
- монополия на насилие;
- объём и качество общественных благ;
- эффективность структур управления.

4) Украина и Грузия, как и другие республики бывшего СССР, оказались включёнными в постимперский транзит, начавшийся после распада Советского Союза, предполагающий, помимо демократизации и экономической трансформации, формирование в пространствах бывших имперских периферий новых территориальных и политических сообществ. Этот транзит проходил под влиянием ряда факторов: качества и длительности институциональной традиции государственности, степени согласия граждан по устанавливающим вопросам (о природе государства, его границах, критериях гражданства и членства в нации, о характере осуществления власти, степени суверенности и т.д.), наличия крупных этнических меньшинств и сепаратистских проектов, включения государств в международные отношения, влияния крупнейших международных игроков и вооружённых конфликтов.

5) Специфическое сочетание этих общезначимых для стран постсоветского пространства факторов, а также ряда исторических, культурных, лингвистических и географических особенностей Украины и Грузии обусловили противоречивое развитие национально-государственных проектов этих стран после распада СССР. Высокая степень регионализации обоих государств оказалась

наибольшим препятствием на пути формирования единых политических сообществ.

Формированию национальной идентичности на Украине препятствуют, прежде всего, билингвизм, отсутствие консолидированного мнения относительно исторического наследия, разнообразие конфессиональных течений, отсутствие единства нации по отношению к устанавливающим вопросам. Лингвистические и религиозные противоречия в крайне малой степени влияют на государственное и национальное строительство в современной Грузии в её фактических границах. Однако фактор культурных и исторических различий сыграл существенную роль в появлении и успешной реализации сепаратистских проектов в Абхазии с Южной Осетии. В отличие от Украины в грузинском обществе присутствует согласие относительно объектов наднациональной интеграции и внешнеполитических ориентиров, а отрицательное отношение к советскому наследию и современной России, освещаемой в масс-медиа в образе врага, способствует объединению общества.

В отношении упреждения сепаратизма и противодействия им Украина значительно успешнее Грузии, которая окончательно утратила контроль над де-факто государствами, но вернула в общее конституционное, инфраструктурное, экономическое и социокультурное пространство Аджарию и Джавахетию.

б) Несмотря на более высокий уровень консолидации территории и границ Украина уступает Грузии в проведении инфраструктурных реформ. Грузинские реформы государственного управления после «революции роз» значительно повысили эффективность его отдельных, прежде всего, силовых и налоговых структур. Декларируемая украинскими властями борьба с коррупцией не дала значимых результатов.

При анализе процесса производства общественных благ на основании исследования разнообразных статистических показателей можно выделить

следующие тенденции: милитаризация и бюрократизация Грузии, демилитаризация и «социализация» Украины. Успехи социально-экономического развития Грузии после «революции роз» обусловлены во многом кредитованием страны со стороны Запада под гарантии отдельной элитной группы, что способствует воспроизводству слабости институтов. Отдельные формально монопольные функции государства исполняют крупные предприниматели и внешние центры, что снижает степень государственной состоятельности.

Персонификации власти способствовало также изменение конституционных норм в целях укрепления позиций одного политического актора. После «оранжевой революции» изменения основного закона на Украине по сравнению с Грузией были более частыми и инициировались каждой оппозиционной группой, приходящей к власти, будучи направленными на перераспределение властных полномочий между президентом и парламентом.

7) Несмотря на отмеченные различия в государственном и национальном строительстве в Грузии и на Украине, в обоих странах проблемы формирования государственности сказались на демократизации. Высокий уровень коррупции, формирование вокруг президентов патрон-клиентских сетей, смешение публичной и частной сфер, деидеологизированность партий, высокая роль финансово-промышленных групп в конкурентной политической борьбе являются составляющими нео-патримониальных режимов Украины и в Грузии. В 90-е годы XX века оба государства были в значительной степени «приватизированы»: грузинское – криминалом, украинское – крупным бизнесом. В Грузии подобная система управления была сломлена после «революции роз». На Украине после «оранжевой революции» и до настоящего времени она эволюционировала в сторону укрепления связей «патрон-клиент» и укоренению кумовства среди высших чиновников.

8) Высокий уровень регионализации в обоих государствах использовался властями регионов для наращивания собственного политического капитала

посредством оппонирования центральной власти, что в свою очередь подрывало её легитимность. И, наоборот, опора политических сил на поддержку регионов заменяла ценности единства территории и в условиях функционирования неопатримониализма способствовала сращиванию политики и бизнеса посредством укоренения региональных политико-экономических кланов.

Многочисленные мирные и легитимные победы оппозиционных сил на парламентских и президентских выборах на Украине не привели к укреплению демократических институтов, не смогли защитить украинское общество от авторитарных тенденций и не смогли гарантировать сохранение институтов и процедур без масштабных ревизий Конституции. Аналогично первая мирная и легитимная победа оппозиции на парламентских выборах в 2012 году не означает консолидации демократии в Грузии и способствует ослаблению правительственных институтов.

9) «Недоразвитость» формальных институтов, высокая значимость личных отношений и связей, приватизация государства снижает пространство возможностей для честной политической и экономической конкуренции и препятствует выполнению государством функций непредвзятого арбитража. Использование законодательства, судов и пенитенциарной системы для борьбы с политическими противниками не способствуют переходу к консолидации демократии и обозначают возможность дедемократизации. Конъюнктурное изменение правил и процедур в значительной степени снижает устойчивость институтов и эффективность государства, необходимые для проведения дальнейших демократических реформ.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке авторской системы операционализации государственности, которая позволяет выделить эмпирические характеристики государства и использовать их при исследовании страновых казусов.

Практическая значимость работы. Положения и выводы диссертации могут быть использованы при чтении курсов «Сравнительная политология», «Политический процесс в современной России», «Политическая регионалистика», «Территории с особым статусом», «Становление суверенной государственности», «Политические партии и выборы», «Политические проблемы защиты суверенитета молодых государств» и других бакалаврам и магистрантам специальностей «Политология», «Международные отношения» и «Регионоведение».

Результаты исследования могут быть полезны органам государственной власти, общественно-политическим организациям, соответствующим подразделениям администрации президента России, МИДа, аппарата правительства, комитетам по международным делам палат Федерального Собрания, экспертно-аналитическим центрам для понимания специфики политических процессов на Украине и в Грузии.

Апробация результатов исследования. Основные выводы диссертации были представлены автором в ходе выступлений на научных конференциях, семинарах и круглых столах:

- доклад «Новое президентское правительство – новые тренды внешней политики Украины» на VI Конвенте РАМИ (секция «МГИМО-ВР») (2010);
- доклад «Дедемократизация Украины» на конференции «Параметры государственной состоятельности: сравнительная социальная политика, общественные блага, государственные институты» (2010);
- доклад «Критерии сравнения современных государств» на пленарном заседании Всероссийских чтений студентов, аспирантов и молодых учёных в ТулГУ (2012);

- доклад «Специфика производства общественных благ на Украине и в Грузии в 1991-2012 годах» на VII Конвенте РАМИ (2012);

- доклад «Эволюция политических режимов Грузии и Украины после распада СССР: дедемократизация, усиление партийных систем, изменение «правил игры» на VI Всероссийском конгрессе политологов (2012).

Диссертация обсуждена на заседании кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГИМО (У) МИД России и рекомендована к защите.

II. СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и приложений.

Во введении обоснована актуальность темы диссертационного исследования, сформулированы объект и предмет исследования, его цель и задачи, рассмотрена степень его научной разработанности, охарактеризованы теоретико-методологическая и эмпирическая база работы, представлена степень её научной новизны, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, обоснована теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе «Роль государства в процессе демократизации» рассмотрены основные исследовательские подходы к концептуализации и операционализации государственности, а также основные модели перехода к демократии; предложена авторская система показателей государственности и проанализированы факторы государственного и национального строительства на постсоветском пространстве.

В первом параграфе «Концептуализация и операционализация понятия государственность» автор выделяет две группы исследований, в которых в качестве определяющих в процессе государственного строительства рассматриваются соответственно внешние или внутренние факторы. К первым относятся международное признание, наличие всевозможных формальных и неформальных статусов; ко вторым – консолидация границ и территорий, сила консолидирующего их центра, формирование национального сообщества, монополия на легальное применение насилия. В работе отмечается, что неадекватное подкрепление государственных статусов реальными ресурсами порождает проблему функционирования различных незавершённых/неудавшихся государственных проектов (распавшиеся, распадающиеся, «марионеточные», псевдо-государства, «серые зоны», «неуправляемые зоны» и т.д.). Наоборот, отсутствие статусов при наличии ресурсов также способствует проблемному развитию государственности.

В работе даются определения основным характеристикам государственности. Под внешней статусностью понимается степень признания со стороны внешнеполитических субъектов, и как следствие этого – наличие и иерархия всевозможных формальных и неформальных статусов на международной арене. Государственную состоятельность автор трактует как способность государства производить общественные блага, управлять своей территорией и границами и консолидировать их. Кроме того, при анализе процессов национального строительства и выявления роли государства в них выделяется идентичность национального сообщества как необходимый фактор государственного строительства. Она является третьей характеристикой государственности – внутренней статусностью, обозначающей степень признания государства со стороны населения и степень консолидации власти и общества по устанавливающим вопросам.

На основании анализа трёх характеристик государственности автор

описывает современное государство как территориальную политику, признанную другими подобной им (и признающую их), обладающую в связи с этим статусом члена ООН, имеющую инструменты управления собственной территорией и способную поддерживать порядок и производить общественные блага, воспринимаемую при этом политическим сообществом (нацией) в качестве единственного легитимного субъекта управления на данной территории.

В работе предлагается следующая эмпирическая операционализация государственности, учитывающая три её выделенных характеристики (статусность, состоятельность и идентичность или внутренние аспекты статусности государства):

1) территория и границы: пограничный и таможенный контроль, наличие успешных/реализованных сецессий, инициативы сецессий, качество регионального неравенства, наличие региональных единиц с особым статусом, наличие иностранных военных баз на территории;

2) монополия на насилие: случаи гражданских войн и внутренних вооружённых конфликтов, наличие незаконных вооружённых формирований, качество силовых (полицейских) структур;

3) наличие и объём общественных благ (ВНД на душу населения, доля налогов в ВВП, доля бюджетников в совокупности населения, доля в ВВП расходов на оборону, медицину, образование, госаппарат); влияние внешнеэкономических субъектов на принятие политических решений;

4) эффективность структур управления: качество управления, уровень недееспособности государств, верховенство закона на территории государства (равенство граждан перед законом, специфика функционирования избирательного правосудия и применения закона для разрешения корпоративных споров и борьбы с политическими оппонентами), уровень коррупции, дифференциация и специализация госаппарата, качество

госслужбы, уровень политической стабильности (качество и количество смен власти);

5) внутренняя статусность государства: степень согласия по «устанавливающим вопросам» в массах и элитах (принятие основ конституционного строя, критерии гражданства и членства в нации, история и природа государства), восприятие населением и элитами государственного языка/языков, степень консолидации мнения населения относительно участия государства в интеграционных структурах (НАТО, ЕС, Таможенный союз, Евразийский союз).

Во втором параграфе «Демократизация и её составляющие» автор рассматривает эволюцию теории демократического транзита, указывая на смещение акцента в транзитологических исследованиях в сторону изучения состояния государства как одного из важнейших факторов транзита. В работе описываются современные теории влияния государства на демократизацию.

Неоднозначное развитие государств постсоветского пространства, институциональное наследие СССР обусловили формирование в большинстве республик бывшего Советского Союза гибридных режимов, обозначаемых часто в научной литературе «демократиями с прилагательными», обзор которых представлен в исследовании. Государственность и характер политического режима – тесно связанные друг с другом характеристики территориальных политик, которые оказывают взаимное неоднозначное влияние. В работе описываются различные подкреплённые эмпирическим материалом концепции, отображающие процессы и результаты такого влияния.

Автор предлагает эмпирическую операционализацию процесса демократизации, основанную на теории полиархии Р. Даля. К 7 институциональным гарантиям, выделенным Далем, добавлена характеристика режима, предложенная Ф. Шмиттером и Т. Карл: самостоятельность избранных народом официальных лиц в осуществлении конституционных полномочий. Автор считает демократизацией приближение государства к эффективному

функционированию вышеозначенных институтов полиархии, а дедемократизацией – обратный процесс, необязательно стартовавший из точки консолидации демократии. Для анализа эволюции политических режимов предлагается использовать следующие переменные:

- 1) случаи конституционных реформ и изменений «правил игры» в политическом процессе, случаи общегосударственных политических кризисов, субъектность контроля за исполнением решений правительства;
- 2) степень конкурентности общенациональных президентских выборов, степень конкурентности общенациональных парламентских выборов;
- 3) массовость и всеобщность выборов;
- 4) уровень политического участия, партийной конкуренции и гражданских свобод;
- 5) уровень свободы информации;
- 6) уровень свободы в организации политических партий и общественных движений;
- 7) степень и характер влияния неизбираемых акторов на избираемых и политический процесс в целом, уровень приватизации государства, олигархизации и криминализации политического процесса, процессы и результаты «цветных революций».

В третьем параграфе «Условия политического развития на постсоветском пространстве» описываются условия постимперского транзита государств бывшего СССР, предполагающего, помимо демократизации и экономической трансформации, формирование в пространствах бывших имперских периферий новых территориальных и политических сообществ. Эти процессы проходили под влиянием ряда факторов: качества и длительности институциональной традиции государственности, степени согласия граждан по устанавливающим вопросам (о природе государства, его границах, критериях гражданства и членства в нации, о характере осуществления власти, степени суверенности и

т.д.), наличия крупных этнических меньшинств и сепаратистских проектов, включения государств в международные отношения, влияния крупнейших международных игроков и вооружённых конфликтов.

Во второй главе «Взаимосвязь национально-государственного строительства с режимными трансформациями на Украине и в Грузии» на основании предложенной в диссертации системы переменных и индикаторов проведено исследование динамики государственности Украины и Грузии в 1991-2012 годах и сравнительный анализ эволюции их политических режимов.

В работе показывается, что состояние внутренней статусности и состоятельности государств позволяет отнести Украину и Грузию к странам с проблемной государственностью. Существенное влияние на это оказали не только факторы постимперского транзита, но и воспроизводящиеся в этих государствах исторические, культурные, региональные и политические противоречия.

В первом параграфе «Динамика украинской и грузинской государственности в 1991-2012 годах: территориальные и военно-политические аспекты» рассматриваются исторические причины, обусловившие региональное неравенство украинских и грузинских территорий. Особое внимание уделено XX веку, поскольку, во-первых, именно в 50-70-х годах территории и границы современных Украины и Грузии сформировались окончательно, во-вторых, именно в это время смены стратегий центра СССР в отношении национального и государственного строительства периферий оказали наибольшее влияние на внутреннюю статусность государств.

Автор рассматривает динамику развития территорий, анализируя сепаратистские проекты и референдумы, направленные на изменение различных аспектов государственного устройства; территории с особым

статусом (Крым, Абхазия, Аджария, Джавахетия, Южная Осетия) и «серые зоны»; количественные и качественные показатели функционирования российских военных баз на украинских и грузинских территориях; степень консолидации границ (степень проницаемости границ для граждан других государств, качество сил, охраняющих границу, степень совпадения государственных и внешних границ, степень проницаемости внутренних границ для собственных граждан); случаи гражданских войн, военных конфликтов, вооружённых мятежей, неподчинения центральным властям; качество центров, оспаривающих суверенитет государства на контролируемой ими территории. Отдельно рассматриваются качественные и количественные показатели функционирования национальных вооружённых и полицейских сил, их эффективность по борьбе с преступностью и внешними врагами, использование внешних финансовых активов для повышения уровня боеспособности и внешних акторов для проведения внутренних операций.

Во втором параграфе «Специфика производства общественных благ на Украине и в Грузии» исследуется эволюция государственной состоятельности. Для этого автор анализирует ряд финансово-экономических показателей (доли налогов в доходах бюджета, ВНД на душу населения, структуры расходов бюджета относительно ВВП), а также деятельность отдельных институтов государственной власти и опыт их реформирования. Особое внимание уделяется масштабным социально-экономическим и административным реформам Грузии после «революции роз» и аналогичным реформам на Украине. Автор сравнивает расходы государств на образование, здравоохранение, госаппарат, поддержание безопасности (в процентах от ВВП).

Отдельно рассматриваются процессы производства нормативно-правовых актов и специфика функционирования юридической системы (практика правоприменения, степень избирательности правосудия, использование государственных институтов для политической борьбы). Автор останавливается

на нескольких казусах, имеющих важнейшее значение для понимания политического процесса на Украине и в Грузии: «делах» Р. Фукса, И. Окруашвили, Ю. Тимошенко, Ю. Луценко, «воров в законе», Глданской тюрьмы, Б. Ахалая.

В параграфе анализируются имеющиеся рейтинги Украины и Грузии в отношении качества государственного аппарата и дееспособности государства. Рассматриваются внешние источники финансирования реформ, случаи исполнения функций по производству общественных благ отдельными субъектами и внешними центрами, влияние личностного фактора на украинский и грузинский политический процессы.

Третий параграф «Внутренняя статусность государства и проблемы формирования наций» посвящён специфике национального строительства. Автор рассматривает исторические и социокультурные причины, затрудняющие формирование политических сообществ. В отношении Украины демонстрируются противоположные идентичности граждан (Востока и Запада, модернистов и приверженцев советской модели развития, «западенцев» и «москалей» и т.д.), историографические школы, сформированные под влиянием этих идентичностей, вопросы билингвального статуса государства (исторические, географические и юридические аспекты языковой политики) и процессы политизации различными политическими группами языкового и исторического вопросов. Автор обращает также внимание на неоднозначное отношение к советскому историческому наследию, в т.ч. к Великой Отечественной и Второй мировой войне, существующее в Грузии и на Украине.

В работе анализируется влияние религиозных вопросов на внутреннюю статусность украинского и грузинского государств и влияние института церкви как одного из факторов национально-государственного строительства. Отсутствие билингвизма в Грузии упрощает анализ лингвистических и социокультурных аспектов статусности. В отношении Грузии акцент делается на случаи

Джавахетии и Месхетии.

В параграфе анализируются ответы на «устанавливающие вопросы» относительно природы государства, критериев членства в нации, проблем гражданства. В отношении Грузии автор останавливается и на социокультурных, инфраструктурных и юридических вопросах реинтеграции де-факто государств и «серых зон».

Значительно внимание уделено специфике восприятия населением и элитами иерархии приоритетов направлений внешней политики и векторов наднациональной интеграции. Автор приходит к выводу что, несмотря на прогресс в инфраструктурных реформах в Грузии, проблемы реализации национального проекта сохраняются, как и на Украине, где в условиях менее успешных реформ присутствуют более значительные проблемы с формированием единого национального сообщества.

В четвёртом параграфе «Эволюция политических режимов Украины и Грузии после распада СССР» на основании предложенной эмпирической операционализации демократизации автор исследует динамику отдельных аспектов политических режимов рассматриваемых стран. Анализируется функционирование избирательных и партийных систем, президентские и парламентские кампании, случаи конституционных и политических кризисов и способы их разрешения. В параграфе рассматриваются конституционные реформы, демонстрируется изменение государственной информационной политики и специфика отношений власти, средств массовой информации и общества.

Неопатримониальный характер политических режимов выявляется посредством рассмотрения патрон-клиентских связей первых лиц, функционирования финансово-промышленных групп и аффилированных с ними политических кланов и партий, случаев кумовства.

Автор делает акцент на «революции роз» и «оранжевой революции» как ярчайших событиях политической жизни, повлиявших на национальное и государственное строительство и позволивших частично разрешить кризисы легитимности власти. Рассматривается вопрос финансового, кадрового, технологического и политического участия внешних акторов (России, США, ЕС) в этих событиях.

На основании ряда индексов прослеживается эволюция политических режимов по нескольким институциональным характеристикам. В отношении электоральной конкуренции на Украине и в Грузии наблюдается демократизация. Однако, показатели политического участия, функциональности правительства и гражданских свобод позволяют говорить о фиксации долгосрочного тренда дедемократизации. Параграф завершается анализом результатов последних парламентских выборов на Украине и в Грузии и рассмотрением препятствий консолидации демократии.

В заключении представлены основные выводы исследования, касающиеся влияния государственности на эволюцию политического режима на Украине и в Грузии.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора общим объемом 3,5 п.л.:

- 1) Токарев А.А. Государственная состоятельность Грузии в зеркале западной политической науки // Политическая наука. – 2011. - № 1. – С. 177-192. – 0,75 п.л.;
- 2) Токарев А.А. Факторы государственного строительства на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. URL: http://www.1-stepen.com/1/tokarev_postsoviet (дата обращения: 10.04.2012). - 1 п.л.;
- 3) Токарев А.А. Специфика производства общественных благ государством на Украине и в Грузии в 1991-2012 годах // Вестник Пермского ГУ. – 2012. – № 3. - С. 52-66. – 0,75 п.л.;
- 4) Токарев А.А. Эволюция политических режимов Грузии и Украины после распада СССР: дедемократизация, усиление партийных систем, изменение «правил игры» // VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. Москва, 22-24 ноября 2012 г. / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, Л.В. Сморгунюв. – М.: Российская ассоциация политической науки, 2012. – С. 510-511. – 0,2 п.л.;
- 5) Токарев А.А. Концептуализация и операционализация понятия государственность // Вестник МГИМО. – 2012. - № 4. – С. 247-255. – 0,75 п.л.

Тираж 100 экз. Заказ №674

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД РФ
119454, Москва, пр. Вернадского, 76